

INSPIRIA

МИКАЭЛЬ Дессе

ВЧЕРА
СНОСИЛИ
18+
МИРОЗДАНИЕ

INSPIRIA

Микаэль Дессе
Вчера сносили мироздание
Серия «Loft. Современный
роман. В моменте»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74539546

Вчера сносили мироздание / Микаэль Дессе: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-254655-6

Аннотация

Что, если отговаривать самоубийцу возьмется убежденная пессимистка.

Нина преподает историю философии в провинциальном вузе, живет на чердаке и ни во что не верит. Однажды она приходит в себя в баре, посетительница которого порывается свести счеты с жизнью. Бармен и управляющая, кажется, не в себе, и миссия по спасению женщины ложится на плечи Нины. Но что это за место? И как ее сюда занесло?

«Вчера сносили мироздание» – роман-головоломка о том, как жить, когда жить не хочется. В истории одного злополучного дня Микаэль Дессе смешивает философское мокьюментари с мистическим триллером и выводит в свет героя нового времени

– всюду лишнего, циничного, избегающего людей, но втайне ищущего их любви и одобрения.

«Бескомпромиссно странный роман, не устающий держать читателя в напряжении. Дессе смешит, морочит и на каждой странице удивляет читателя. Для тех кто ждет от современной прозы чего-то действительно свежего и самобытного». – Антон Секисов, писатель

Содержание

Глава 7 *	8
Глава 2 *	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Микаэль Дессе

Вчера сносили мироздание

Отцу

Возможно, кому-нибудь покажется странным, что я могу столь точно угадать мысли хозяина. Дело в том, что для кота это не составляет никакой трудности. Я умею читать мысли. Когда научился? Не задавайте глупых вопросов. Умею, и все. Вот я лежу, свернувшись в клубочек, на коленях у человека и потихоньку прижимаюсь своей мягкой меховой шубкой к его животу. Возникает поток электричества, и внутренний мир человека во всех подробностях встает перед моим мысленным взором. Был даже случай, когда я содрогнулся, узнав мысли хозяина. Он гладил меня по голове и вдруг подумал: «Какая теплая жилетка вышла бы, если бы содрать с этого кота шкуру!»

Нацумэ Сосэки, «Ваш покорный слуга кот»

Что же рая калитка всегда заперта? Ходят слухи, за нею вообще пустота.

Ангел

Серия «Loft. Современный роман. В моменте»

© Дессе М., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 7 *

** в которой доцентка возвращается домой, но попадает в бар с эксцентричным персоналом*

Зато цистита как не бывало.

Теперь единственный предмет моих мыслей – та надпись на балке под потолком.

Там вот что, до буквы: «Ты корабль, а море под тобою – это зло разлито. Но воды не тянут судна ко дну...» – и дальше не помню и, пока вспоминаю, оступаюсь и остаток лестницы проезжаю на ребрах.

Вдыхаю и не выдыхаю.

А был он вообще, цистит, или не было его – уже не важно.

Здесь темно, внизу. Пахнет химически достигнутой свежестью. Не сильно, но есть – от пола, к которому я порами присосалась, на котором лежу и размышляю, почему говорят «живая хлорка». Хлорка ведь с жизнью не то чтобы совместима. В бассейне она, по идее, все, что меньше пловца, убивает. Значит, хлорка, можно сказать, слабосмертная, но «живая»...

А воды, написано, не тянут судна ко дну.

Я делаю над собой усилие, переворачиваюсь на живот и

привстаю. Сама в арке света из лестничного проема, и ничего не видно и не слышно, а потом кто-то утверждает топом, кашлем. Говорит:

– Здрасьте, приехали. – И в сторону: – Ну что – она, не она?

Кто – не разглядеть, но говорит откуда-то оттуда. Мурчащий такой бас, не узнаю.

Собираюсь с силами и встаю на ноги. Тут как на улице: пар на выдохе.

Вспомнила, куда шла.

– Это Молчанова, девять? – спрашиваю.

– Все правильно, дальше. – Тот же голос. Этот кто-то посмеивается. Или кашляет. Я отступаю к лестнице, и он: – Не падаем.

Сажусь на пред(пред?)последнюю ступеньку. Говорю, что не пила, хотя меня никто не спрашивал. Язык еще так заплетается – можно подумать, вру. Потом сверху и отовсюду стрекочет электричество, еще один голос: «Наконец-то» – и включается освещение.

Точно, бар.

Я в этом баре.

Света все равно мало.

Слева стойка, в конце нее заваленный одеждой стул. Стеллажи прямо в стене, выше доска, и на ней от руки меню. Справа – кабинки, диванчики, столики. И три человека. Нет, два человека и манекен. Мужчина за стойкой и еще один в

глубине, парень. Оперся о щетку, стоит интересный. На нем комбинезон с принтом, как бы скелет: таз, ребра, двусоставные конечности. Того, что за стойкой, с порога не рассмотрю, одна голова. Волосатый, похож на индейца с кинескопной тест-таблицы.

Манекен усажен за столик, на груди трафаретом: «Бронь». Еще одного, стоячего, замечаю в углу слева. Там же из стены торчат пластмассовые руки, кисти рук – вешалки. В центре зала с потолка свисает разбитый диско-шар. Под ним гора мишуры и конфетти. Они везде, если присмотреться, эти конфетти.

– И где тебя так?

Индеец. Щурится на меня. Зоркий Глаз Седое Перо.

– У тебя кровь, – говорит парень и обводит лицо. Или не парень. Голос высокий. Все-таки девушка.

Я провожу рукой от скулы к уху, и на ладони она, темная, липкая. Боли как таковой нет, только мутит. Не помню, откуда пришла. И зачем. Я вообще ничего не помню, кроме *вод*, что *не тянут судна ко дну*.

Это наш полуподвал, я узнаю, хотя стены снесли, все черное: облицовка, манекены. Сколько их тут? Раз, два и вон третий, на стуле за стойкой, под одеждой. Больше не вижу. Лампы, эти трубки, еле светят, и да, мутит – просто абзац.

– Так, мож, она потому и *того*?

– Не потому. Не знаю.

– Из-за башки, не?

– Ты *меня* спрашиваешь?

– А кого мне спрашивать? Ты спереди, я сзади. Тебя не было – нормально ехали, а как пришла... – Мужчина вроде хочет зайти в кашле, держится. Странное тоже выражение «зайти в кашле», но ладно. За стойкой недолго шумит вода, и он подносит к носу влажный стакан. Вообще, *спереди* Седое Перо, он ближе. – Я почему спросил... – Кивает на меня. – Как контуженная.

– Она всегда такая. Мотается тут в центре.

Ого, вау. Как неожиданно и обидно. Вообще-то это мои *созерцательные* практики плюс семь тысяч шагов, чтобы ягодицы не увяли от *читательских* и *писательских*, и это я еще стараюсь не отсвечивать.

Тенькает стекло. Седое Перо все пялится.

– Мож, сотрясение?

– Пал Саныч...

Павел?

– А *мотается*, говоришь, – бомжует, что ль? – Я... просто *вау*. – Так-то нарядная, в пальто.

Девушка ему не отвечает. За ней синим неоном горит слово «нулина». Со строчной, латинским начертанием: эн, ю, за-чем-то апостроф и дальше понятно. Логотип. Такой же был на вывеске снаружи.

– Я преподаю, – говорю.

Мужчина:

– Еще раз?

– Преподаю у нас философию, в Утесинском.

– О-о, профессура!

Он таки закашливается – и кашляет страшно, как раковый. Или туберкулезник. Не дышу. Мало ли.

– Я, – говорю, – доцент. – Получается в нос, «дасент», и я сдаюсь, вдыхаю и повторяю громче: – Доцент.

– А это к состоянию бомжа, считай, впритык. – Утирает рот салфеткой. – Откуда ты хоть такая, профессура?

– В смысле...

– В смысле – к нам откуда?

Откуда я?

– Я... – Как сложно, господи. – Собаку шла вернуть на вокзал одной там... студентке.

Он приглаживает волосы, подходит ближе, из-за стойки не выходит – что-то там поделявает, – и я вижу, что он без фартука, в расстегнутой дубленке и под ней рубашка наподобие гавайской. Понял, куда я смотрю, губами мне что-то вышевеливает, «дубак» или вроде того, и просит девушку проверить котел. Она ставит щетку к стене и ныряет в проход слева от логотипа. Самое главное – я упала, у меня кровь. Никто не спрашивает, как я себя чувствую. Им вообще как будто нет дела.

– Ну, *собаку*. Дальше.

– Дальше... не помню.

Правда не помню. Я проснулась в бывшем колледже искусств, Торпеда была со мной. Мы вышли – и все. Меша-

нина лиц, улиц. Проверяю карманы. Ахрипп и ретрактор с пропуском на месте, но где телефон? Где зонт, очки? Самое главное: где собака?

– Замут, короче... – Опять кашляет, а откашлявшись, заправляет ноздри, шумно вдыхает и, перехватив мой взгляд, вносит ясность: – Понюшка. Табак.

Кивает, мол: «Будешь?»

– Не надо, спасибо.

– Ну, наше дело предложить. Сядь на диван. – Опять приглаживает волосы и возвращается к барной мойке. – Слышишь? Встать можешь? Вставай давай, если можешь.

Поднимаюсь, иду вглубь зала. Этот бормочет: «Давай-давай, приходствуй». Возвращается девушка:

– Не загорается. – Подбирает разноцветный серпантин и бросает его в общую кучу. – Мерзнем дальше.

Кости на ее комбинезоне напечатаны чем-то светоотражающим, голова обрита, и брови не то обесцвечены, не то выкрашены в розовый. Свет такой, что не разобрать. Еще наушник у нее белый, что ли.

Мужчина обводит рукой груду одежды в конце стойки.

– Ты, кстати говоря, гостье-то нашей поправь... – прищелкивает пальцами, – это самое...

Сперва думаю на себя, а потом понимаю, что нас в баре четверо. Это был не манекен. Там кто-то есть, под плащом за стойкой. Из воротника выпала прядь, *де-юре* рыжая, *де-факто* красная, и я ее видела и приняла за дождик этот пле-

ночный. Плащ просто накинута сверху.

– Внимание на меня, – говорит Павел, обращаясь ко мне, и девушка, эта панкушка, разворачивается и бьет ногой гору праздничного мусора, он разлетается по залу, и на секунду между мной и Павлом встает стена из разноцветной фольги, мишуры и блессток, и он говорит: – Бояться, если что, нечего. – А девушка петляет к груде тряпья, под которой, оказывается, кто-то четвертый, и бояться мне действительно нечего, я и не боюсь, но Павел, кажется, в меня не верит, говорит: – Ситуация дежурная. – И девушка тянет пальто, которым накрыт кто-то четвертый, за плечики, оно сползает с головы, и показывается облепленный волосами профиль, женщина, и зонт: один конец упирается в стул между ее ног, другой подпирает подбородок.

Так.

Так, нет, не зонт.

– О, с-сука, это что, ру-у-ужье?

Я пячусь, пока не врезаюсь во что-то копчиком.

– На зрение, значит, жалоб нету. – Мужчина проверяет на свету отполированный стакан. – Она спит, так что ты... это... – Ладонью как бы прихлопывает звук, непонятно к чему, спросила я вполголоса, потом лицо на меня: – Заикаешься, что ль?

– От-т нервов.

– А что ж ты так нервничаешь? – говорит себе под нос. – Сейчас расскажу. Ты там присядь как-нибудь... без лишних

децибелов.

Сзади кабинка, и я просто заваливаюсь в кресло, потому что, ну, естественно, и книжка, которую я забыла в заднем кармане, врежется в самую мякотку.

Павел чего-то бормочет про открытие, а я вообще не здесь и в сознании остаюсь только оттого, что часто и сложно дышу, дышу, как будто легкие аварийно отключились и каждый вдох вручную, потом пытаюсь сфокусироваться на речи. Смотрю на Павла.

– ...со вчера. А эта пришла... уже хорошая, да? – обращается к девушке. – У нас еще подзалилась, грустила сидела, потом чей-то распахивалась, не пойму, и полезла ко мне сюда, – отмеряет подбородком неопределенную область под столешницей, – за инструментом, видишь.

– Да уж, – вздыхает эта, со щеткой, и берется замечать что разлетелось, последствия своего взбрыка. Ее фактор ружья тоже особо не колышет.

Мужчина выщелкивает меня обратно.

– У меня разрешение на это дело, – говорит, – на дуплет. Если так смотреть правовой момент, все по чести. Ну а... – Пожимает плечами. – Дело житейское. Это никто не застрахован.

Я вдыхаю рывками, как при плаче, говорю:

– Это обрез.

– Двустволка охотничья. Тарелочки стрелять.

– Нельзя спиливать дуло.

Отмахивается типа «Ой, ради бога!», говорит:

– Ради бога! Я кончик спилил. У меня паз тут, понимаешь? – Стучит с той стороны стойки, и на первый «бум» я вздрагиваю. – Чтоб пролезло.

Рыжая пошатывается. Ее голова в блестящей лапше выглядит насаженной на ружье как на кол. Ко мне она боком, лица не разглядеть. Я и не вглядываюсь. Боюсь, почувствует и очнется. Медуза. Только та обращала в камень, а эта пальнет – и в кашу. Отсюда кажется, что глаза закрыты, левый глаз, и от него до самой шеи чернящий ручей – тушь потекла, много очень туши. Не пойму, этим двоим реально до фонаря или что? Девушка с виду заспанная, а за стойкой товарищ как подшофе.

– Пал Саныч. – Он прижимает к пальмовым кушам на груди пятерню, мокрую, обтирает и пляшет ей в сторону девушки: – Одесса.

То есть она? Одесса?

– *Вэлкам.*

Ко мне она спиной. Сзади принта на комбинезоне нет.

Этого просто не может быть. Ищу глазами скрытую камеру. Снова тенькает стекло, шумит вода. Одесса подбивает ногой кучу мишуры под разбитый диско-шар. Готово, говорит, и щетку на плечо.

– А вон там что? Вон там. Такая шея длинная и не увидела? Скажи... – Он давится кашлем, не договаривает.

Она не обращает внимания и падает на диван через столик

от меня. Щетка громко кладает о стену. Я на Медузу – та в анабиозе.

Осматриваюсь.

На стенах ничего, только слева от входа огромные часы, метр на метр. Стрелки светятся (правильно не «светятся», есть слово, вылетело из головы), показывают примерно без двадцати минут пять. И идут в обратную сторону: на секундной шкале три, две, одна и снова шестьдесят. Справа, сознательно или нет, Одесса копирует позу манекена, который сидит в кабинке между нами, и я спрашиваю:

– А ч-час-с...

– Сломались.

– Да?

– Да.

– Ага, ясно... Извините.

Кажется, я ей не нравлюсь. Мы знакомы? Хочу извиниться еще раз – на всякий случай, – сдерживаюсь. Она сказала, видела меня на улице. Сегодня? Нужно бежать отсюда. Искать собаку. Где мы были? Вспоминай. Я правильно расслышала? Одесса? Как Ванесса? Надо переспросить. На лице все запеклось, лишь бы не запотеть. Вытираю нос рукавом. Да, все лицо. Тело взмокло. У меня бывает, когда перемерзаю.

– Сознание не теряем! – рявкает Павел, и девушке: – Надо, наверно, профессуре жгут наложить или чего там. Займись. Я пока карету вызову.

Я обхватываю голову, а сама подглядываю из-под локтя.

Вроде-бы-Одесса привлекает внимание Павла и протягивает обе руки в мою сторону ладонями вверх, что я считываю как «ты только посмотри, расселась». Он в ответ морщит подбородок и это «ты мне мозги не канифоль», кивает на проход возле логотипа и говорит:

– По твоей части.

Вроде-бы-Одесса встает – без энтузиазма, – потягивается и дает команду:

– Подъем.

* * *

Ближайшая дверь – в проходе туалет для посетителей. Дальше поворот, еще поворот, техническое помещение и туалет для персонала. Она вперед, подпирает дверь спиной, пропускает. Тут светлее. То есть тут тоже все черное, даже унитаз с раковиной железные черные, но освещение лучше.

Оборачиваюсь на щелчок. Вроде-бы-Одесса прячет ключ и открывает стенной шкафчик, там бумажный рулон и аптечка. Действует твердыми небыстрыми движениями. Ставит все на край раковины и достает из кармана флакон, говорит открыть рот. Повинуюсь. Она откручивает крышку-пипетку, и мне на язык падают пять-шесть-семь капель со вкусом и запахом корвалола.

– Что это?

– Анестезия. – Флакон отправляется обратно в карман, но

перед этим она вливает в себя две пипетки. – Надо... – Следует нечитаемый жест руками. Похоже, «умыться», потому что дальше она пускает воду в раковину.

Голова у нее все-таки белобрысая, брови тоже, их как нет, кольцо в носу, септум и наушник – не наушник, а слуховой аппарат, поэтому, наверное, у нее речь немного отличная, под Жижека, с присосом. Она подставляет под струю два пальца.

– Сойдет. – Отступает и жестом велит подойти. – Аккуратней.

Хочу просунуть голову под кран – там некуда. Приходится набирать воду в горсти. Закрываю глаза. Омываюсь. Открываю глаза. Смотрю, как в сливе исчезает ржавое облако – кровь светлее раковины. И так раз за разом, фейерверк задом наперед. Вроде-бы-Одесса тем временем отматывает от рулона и, когда я нащупываю рану над правой бровью, протягивает полотенца, чтобы я ее промокнула.

Кровоточит.

Уже пятое полотенце, а пятно ни меньше, ни бледнее. Декарт так и умер: подцепил пневмонию, и его врачи закровопускали до смерти. И эта еще наклоняется, осматривает рану и такая:

– Только и всего...

Или:

– Только б не свело...

Или:

– Полька Ив Севе...

Что-то такое. Вода шумит, не разберу. На всякий случай выдавливаю из себя смешок. Она отходит и:

– Да, финиш.

Жму на кнопку диспенсера с жидким мылом, поднимаю лицо к зеркалу. Алый рубец на лбу, ближе к виску. Совсем небольшой. Даже не верится, что из него столько вытекло, но других ран не вижу. Хотя вот ссадина на скуле. И все. Споласкиваю руки.

Вроде-бы-Одесса усаживает меня на опущенную крышку унитаза, и я сразу выкладываю на раковину томик Ахриппа. Из аптечки она достает что-то вида пульверизатора.

– Что это? – спрашиваю.

– Хирургический степлер. Придется... – Направляет инструмент себе между глаз и цокает языком.

Ой-ой-ой.

– А м-может...

Нет. Стоп. Нельзя давать заднюю. Она меня уже невзлюбила. Думает, я бездомная, решит к тому же, что мандражистка. Надо выказать доверие и крепость духа. Она производит впечатление человека с интимным пирсингом – человека, который знает, что делать с этой штуковиной.

– *Что* может?

– Ничего.

– Анестезия скоро подействует. Ждем.

С этими словами вроде-бы-Одесса перекрывает воду и за-

глядывает в зеркало. Чуть запрокинув голову, она прощупывает шею большим и указательным пальцами от уха к ключице. Говорит:

– В аду у меня будет семьдесят подбородков.

Говорит не мне, тихо, но теперь слышно даже, как трутся ее штанины. Шея у нее и впрямь длинная.

В туалете ощутимо теплее, чем в зале. Пахнет, правда, так, что лучше дышать ртом. *Живая хлорка.*

Интересно, сколько лет этой вроде-бы-Одессе. У нее такое лицо, что не определить. Слегка одутловатое. Может быть, немного за двадцать, а может, под сорок. Она просовывает руку в ворот до нарисованных ребер.

– В раю моя голова будет парить над телом.

Из комбинезона она достает какую-то погнутую черную картонку, снимает с нее скрепку и протягивает мне:

– Брось в сортир.

Неламинированный бейдж. Сломанный. Написано «Одесса». Значит, не показалось. Привстаю и отправляю его под крышку унитаза. Одесса прислоняется к стене. Покачивается. Музыка у нее в голове, ее почти слышно.

Проходит, может, минута. Молчим, а я так не могу, тем более с новыми людьми.

– Клевый, – говорю, – комбинезон.

– Кигуруми.

Это, кажется, «спасибо» по-китайски. Будем считать, комплимент засчитан. Что дальше? Подмывает, конечно,

прямо спросить, что происходит. Ружье не заряжено? Или это муляж?

– Там, – говорю, – камеры, да?

– Где?

– В зале. Вы снимаете?

– Кого? Дураков пьяных?

Понятно. Пранкеры.

– Слушайте, а ваш начальник...

Перебивает:

– *Мой* начальник?

– Мужчина за стойкой... – Делаю вид, что припоминаю (зачем?). – Павел Александрович...

– В каком месте он мне начальник? Он здесь работает. – Пауза. – Это *мой* бар вообще. – Еще пауза. – А что? Раз не под сраку лет, то что? Принеси-подай?

– Да? Нет! То есть нет. Конечно нет! – И шепотом, снова: – Извините.

В ее словах не слышно упрека и ничего не слышно, ноль эмоций, но мне все равно стыдно. Значит, когда этот сухофрукт кивал в сторону туалета, это было не «веди и мозги не канифоль», а «будь добра, царица, кошка», в таком что-то духе. И почему у меня в голове он говорит с таким... как бы аккуратнее назвать? ориентальным акцентом? Нет же его в действительности. Или есть? Я подсознательно сделала его турком?

Одесса что-то говорит.

– А?

– Что?

– Я не расслышала. М-можете повторить?

– Что?

– Вы что-то сказали сейчас?

– *Что.*

– Нет, до этого.

– До этого я молчала.

– А, ладно...

У меня на почве стыда сейчас инфаркт случится.

– Пора, – говорит.

Подошла, нависла надо мной.

– А сколько времени прошло? – Вжалась вся в унитаз. –

Не рано?

– Не рано, достаточно.

Увожу голову назад, уже лопатками на бачке, макушка – в стену.

– Не дергайся.

Замираю. Она сжимает, где рана, кожу на лбу. Я тяну (с-с-с-с...) воздух сквозь зубы, и она наводит хирургический степлер. По черепу дает чкокающий звук, как будто печать проставляют непосредственно в мозг.

– Вроде ровно.

Выступают слезы, я мычу и отворачиваюсь, чтобы рубец оказался вне досягаемости инструмента. Эта командует:

– На меня лицо. Еще две.

Я сквозь зубы:

– Анестезия, – говорю, – не подействовала.

– Больно? Все, не бзди. Дай хоть посмотрю.

Осторожно поворачиваю голову, и в этот момент – чкок! – Одесса молниеносно впечатывает вторую скобу.

Я вою и заслоняю лицо ладонью. Говорю, все, пожалуйста. Говорю, что двух хватит. Брысь, говорю, и мне уже, честно, все равно, кто что обо мне думает. Она выпрямляется и некоторое время смотрит на меня сверху вниз, потом спрашивает:

– Руки чистые?

– А? Да. Я их с мылом сейчас...

– Покажи ногти.

Она тянет меня за запястье, и понятно, что это уловка, так что я готовлюсь к маневру и артачусь под предлогом, что этой рукой я касалась крышки унитаза. Одесса разглядывает ее, потом разворачивает ребром, встряхивает, чтобы я ослабила кисть, и берет мой большой палец в рот.

Вау. Здравствуйте.

Интересная она.

То есть теперь она кажется мне суперстранной, и я, конечно, молодец, что сужу этих ирокезных не по внешности, а, так сказать, по опыту взаимодействия. Я в этом плане самая прогрессивная женщина в Совином. По крайней мере из тех, кому за тридцать.

Машинально пытаюсь вынуть палец – плавно тяну на се-

бя, но она придерживает его зубами и следует за ним головой. Тогда я останавливаюсь и случайно касаюсь ее языка. Одесса вскидывает бровь. Это что? В выражении ее лица больше нет холодка. Возможно, и не было. Возможно ведь все, в принципе.

Сердце вдруг забилося в горле.

Нет.

Нет, не пранкеры.

Каннибалы.

И только я хочу соврать, что не особо-то калорийна, как она со страшной силой сжимает челюсти.

Глава 2 *

** в которой детка раз за разом слышит «брысь» и бежит жаловаться маме*

...снаружи.

Сзади захлопывается дверь и отсекает мысль.

О чем думала сейчас?

Мы снаружи, это да. Торпеда подрывает носом подошву, что-то там обнюхивает, какое-то липкое пятно.

– Нет, – говорю, – фу.

И улица блестит как фольга.

Зажимаю локтем зонт и той же рукой обшариваю карманы на предмет солнцезащитных очков. Нахожу, надеваю, все розовеет, и погода шик. Правда, дует. В одной водолазке было бы холодно, а так нормально, но это на солнце, но хорошо: ни облачка и небо как у Джотто – сплошное и черно-синее. Синоптики передавали, что это какая-то атмосферная аномалия, не запомнила, зато запомнила, как называется этот оттенок синего: берлинская лазурь.

Торпеда пускает в ход лапы. Уж пора в ходьбу, а я гляжу на нее, лепечу: «Золотой мой линияющий ключик, ты изменишь все».

К 19:10 собаку нужно в целости доставить на вокзал и за символический выкуп передать хозяйке. Казалось бы, проще простого, но если сделать все правильно, жизнь моя заиграет новыми красками – в пределах, конечно, своей тускловатой гаммы. Или не заиграет. Узнаем. И как бы то ни было, сперва надо пожрать.

Сколько там? Попробую угадать. Охранник швейного цеха через дорогу открывает ворота. По воскресеньям конец дневной смены в 17:30. Людей не видно, значит, минут десять-двадцать. Единственная приличная столовая при головном корпусе закроется, пока я дойду. Возьму чего-нибудь по дороге. Тогда времени полно. Можно за сигаретой. Или лучше сразу на вокзал, там подожду, сигарета тогда ближе к ночи. Надо решать.

На лоферах остаются царапины от когтей. Вот надо ей, думаю, и тяну поводок. В ту же секунду – выстрел, и стянутый хлястиком зонт едва не смазывает меня набалдашником по подбородку, Торпеда же от испуга рвет поводок вниз, так что я еще и с лестницы чуть не падаю.

– Торпеда!

Ноль реакции, прямой курс на тротуар.

Пружина срабатывает из-за скола, он у самой кнопки, а механизм сам по себе чувствительный, и с закрытым зонтом особо не походишь. Он у меня теперь сразу от дождя и меланомы. На кремы не напасешься, а зонт купила – и все, SPF 100. Отстегиваю хлястик, он раскрывается до конца, и я его

на плечо.
– Веди.

* * *

Так о чем я?

Прятки. Точно.

Торпеда уводит нас все дальше от центра. Вот и решили: вокзал. В конце квартала я перехвачу инициативу, и мы спустимся к набережной. В «Бермудах» возьму фалафель и схожу в туалет, а сейчас поговорим. Научим тебя играть в прятки.

В сентябре–октябре я читаю лекционный курс «Думка темная: ретроспектива философского пессимизма». Первая лекция действительно про *прятки*. Они ведь разные бывают. Я про те, которые придумал древнегреческий философ Ахрипп в этапном для раннего эллинизма диалоге «Фугинда». Существует несколько его переводов на русский. Нас интересует хрестоматийный, выполненный Василием Розановым. Он, как и ранее при работе над аристотелевской «Метафизикой», решил сохранить транскрипцию, но будет вам известно, что «Фугинда» с греческого – «прятки» и есть.

Материал предстоит заковыристый, и я на всякий случай проговорю по пунктам ключевые моменты предыдущего, вводного курса, который был посвящен онтологии и назывался «Не торт: краткий очерк жизни». К нему шел за-

дающий настроение эпиграф из Софокла: «Высший дар – нерожденным быть. Если ж свет ты увидел дня, то обратись скорей – в лоно вернись небытия родное»¹.

Итак, вообразим аудиторию с кафедрой. В Утесинке таких нет, с кафедрой, но вообразим. Ты – студент. Даже так. вы – студенты. Вас в аудитории некоторое множество, и коль скоро урожденные совчане уезжают учиться в миллионники, на горе мое вы все с района и на радость – преимущественно девочки. Единственный парень пришел без тетради и заметно нетрезв.

Я спрашиваю вас – и его, – что такое жизнь и что значит жить, что мы знаем о себе и мире, и поскольку вы – люди необразованные, ответить не в состоянии, отвечаю сама, по порядку:

1. Жизнь – не слишком длинное, но недостаточно короткое предприятие по заделыванию трещин в мясе. Продолжительность колеблется от миллисекунды и до скольких получится либо пока не надоест.

2. Жизнь скверна собой. Обратное и подумать неприлично, тем более сказать.

3. Жить – значит страдать и затем умереть. Так паутина значит паука. С удовольствиями такой однозначности нет и быть не может. Удовольствия, в отличие от страданий, перепадают не всем.

¹ Искж. по переводу Шервинского.

4. Человек – это звучит нелепо. Виноват неизменно глухой аффрикат, как в слове «чушка», да и выглядит наш брат не лучше: здесь ему волосы нужны, здесь – нет, поры разнесло, бедра узковаты, черт-те что. Обезьяны, и те симпатичнее. У них к тому же ни невроза, ни шелушения (на почве невроза), а лиши мы человека способности к языку и связанной с ней когнитии, примата и получим, причем плешивого.

5. Бога нет. Заключение о его смерти вышло в 1883 году, но признаков жизни он не подавал ни до, ни после.

6. Загробной жизни тоже нет. Никакой. Те, что заявлены, идут в комплекте с пропиской. Родились восточнее – держите путевку в брахман. Западнее – вас ждут у Петра на ресепшене. Что до разницы направлений – двух их, конечно, быть не может, а значит, следуя фундаменталистской логике, на всех, у кого видение посмертия сколько-нибудь отличается от нашего, мы пойдем войной, и оно понятно: чего еще ради умирать, как не ради вечной жизни. Это они в случае чего сдохнут, а мы – отправимся в рай.

7. Тут порой и пострадать толком не успел – взял и умер. Так вот, смерть – то единственное, что гарантировано нам с пеленок, и все мы со смертью знакомы ввиду того, что более-менее помним (в кавычках), откуда пришли, помним (в кавычках) глухое бесцветное ничто до своего рождения и понимаем хотя бы на подкорке, что рано или поздно туда вернемся, а когда понимаем, наше запрограммированное на самосохранение эго бьется в истерику, ведь с его точки зрения

любая смерть – насильственная. Взглянув через это на введенные у людей порядки, вы заметите, что львиная их доля служит единственно избеганию того факта, что мы конечны, как конечно что угодно в обозримой вселенной (спасибо второму закону термодинамики).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.